
УДК 2–135+130.2+821.161.1–1 Вяч. Иванов+808.1+81'42
DOI: 10.31249/hoc/2023.02.02

*Созина Е.К.**

**КОНЦЕПЦИЯ СИМВОЛА Л.А. ГОГОТИШВИЛИ
И ПОЭЗИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА:
ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ©**

Аннотация. В статье рассматривается концепция символа и русского символизма, предложенная Л.А. Гоготишвили. Материалом анализа выступают ее работы о Вяч. Иванове, А.Ф. Лосеве и М.М. Бахтине. Делается акцент на новизне подхода Гоготишвили к символу Иванова как «безобразной объективации предиката»: исходя из этого положения исследовательница понимала русский символизм в контексте предикативных и прагматических теорий языка, возникших в ходе XX в. Устанавливается связь между философскими понятиями, выделенными Гоготишвили: символ Иванова, «двуголосое слово» Бахтина, «точка говорения» Лосева. В свете концепции Гоготишвили осуществляется анализ символического языка Вяч. Иванова в его ранней поэзии, материалом анализа являются главным образом стихотворения сборника «Прозрачность» (1904). В них выделяется

* *Созина Елена Константиновна* – доктор филологических наук, профессор, заведующая центром истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, e-mail: es8591@yandex.ru

Sozina Elena Konstantinovna – DSc in Philology, Professor, Head of the Sector of History of Literature of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: es8591@yandex.ru

© Созина Е.К., 2023

сквозной сюжет неназванного Бога, чье Лицо ускользает под множеством масок, личин, отзвуков – они и выступают в функции предикатов символа, вокруг которого выстраивается сверхмиф Вяч. Иванова.

Ключевые слова: символ; символизм; предикативность; Вяч. Иванов; сборник «Прозрачность»; Лицо и маска.

Поступила: 02.02.2023

Принята к печати: 01.03.2023

Sozina E.K.

The concept of the symbol of L.A. Gogotishvili and the poetry of Vyach. Ivanov: interpretation and application

Abstract. The article deals with the concept of a symbol and Russian symbolism proposed by L.A. Gogotishvili. The material of the analysis are her works about Vyach. Ivanov, A.F. Losev and M.M. Bakhtin. Emphasis is placed on the novelty of Gogotishvili's approach to Ivanov's symbol as “the ugly objectification of the predicate”: proceeding from this position, the researcher understood Russian symbolism in the context of predicative and pragmatic theories of language that arose during the 20 th century. A connection between the philosophical concepts accentuated by Gogotishvili is established: the symbol of Ivanov, the “two-voiced word” of Bakhtin, the “point of speaking” of Losev. In the light of Gogotishvili's concept, an analysis of the symbolic language of Vyach. Ivanov in his early poetry is performed, the material of analysis are mainly the poems of the collection “Transparency” (1904). They stand out through the plot of the unnamed God, whose Face slips away under many masks, disguises, echoes – they act as predicates of the symbol around which the super-myth of Vyach. Ivanov is built.

Keywords: symbol; symbolism; predicativity; Vyach. Ivanov; collection “Transparency”; Face and mask.

Received: 02.02.2023

Accepted: 01.03.2023

Для цитирования: Созина Е.К. Концепция символа Л.А. Гоготишвили и поэзия Вяч. Иванова : толкование и применение // Вестник культурологии. – 2023. – № 2(105). – С. 35–58. DOI: 10.31249/hoc/2023.02.02

Введение

Людмила Арчиловна Гоготишвили (1955–2018), не так давно ушедшая из жизни, – философ, лингвист, тонкий и глубокий исследователь, сумевший объединить свои научные симпатии в единое поле: она занималась философией языка в творчестве, главным образом русских философов первой трети XX в. (А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Г. Шпета), хотя среди них есть и поэт-философ – Вяч. Иванов, а в поздние годы в орбиту ее интересов вошел французский ученый Ф. Ларюэль. Труды Гоготишвили не относятся к числу широко известных, они только входят в научный оборот, чему немало способствуют С.В. Федотова и А.А. Гравин, работы которых безусловно предшествуют данному интерпретационному исследованию [см. Федотова, 2019; Федотова, 2022; Гравин 2021 а; Гравин 2021 б; Гравин 2022], но, как мы надеемся, не отменяют самой его возможности.

Концепция Гоготишвили, будучи чрезвычайно целостной и системной, имеет несомненный новаторский смысл, ибо, охватывая системы мысли вышеназванных философов, позволяет увидеть их под новым, оригинальным углом зрения, а значит, неким скрытым образом меняет и наше зрение при взгляде на иные объекты исследования. Попытаемся коротко очертить направление мысли Гоготишвили, исходя, главным образом, из ее работ о Вяч. Иванове, А. Лосеве и М. Бахтине, а затем, пользуясь обозначенным подходом, показать возможность его применения при анализе поэзии Вяч. Иванова.

Концепция символа и символизма в трудах Гоготишвили

Исходным толчком построения Гоготишвили своей концепции, даже ряда концепций, стал ее интерес к русскому символизму и, как указывает С.В. Федотова [Федотова, 2022], стремление оспорить традиционную трактовку этого художественного и философского направления как входящего в орбиту имяславия, а в силу этого относимого к семантической парадигме философии языка. Гоготишвили отталкивалась от концепции Ю.С. Степанова, который выделил три направления философско-лингвистических теорий и разработок XX в.: семантическое (философия имени), синтаксическое (философия пре-

диката), прагматическое (философия эгоцентрических слов, как он ее обозначил) и отнес русский символизм к первому направлению, стремящемуся проникнуть через имя к сущности [Степанов, 1985]. Гоготишвили заявила противоположную позицию на суть построений русских символистов, не оставшуюся, однако, незабытой в ходе развития мысли ученого. В известной статье «Между именем и предикатом» (1999) она рассматривает символизм Вяч. Иванова «на фоне имяславия» и пытается расторгнуть связь поэта-символиста с теоретиками имяславия, опираясь, главным образом, на труды С. Булгакова и П. Флоренского. В статье «Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)» (2004) она более сдержанна и, напротив, подчас объединяет Вяч. Иванова с остальными имяславцами, показывая их общие черты во взгляде на природу символа. Суть же этого подхода, наиболее ярко фиксируемого у Иванова, состоит именно в синтаксическом, или предикативном, подходе к языку и к символу.

Как известно, весь символизм был устремлен к «вещи обличению невидимых», т.е. к осуществлению через посредство символа референции – выражения этих незримых, невидимых вещей, трансцендентных сущностей. Гоготишвили же утверждает, что «референт символических фигур речи *в принципе не может быть объектирован* (здесь и далее курсив автора. – Е. С.)» [Гоготишвили, 2006, с. 52] и выражен в языке. Символическая референция осуществляется у Вяч. Иванова только в мифе, миф же понимался им как «синтетическое суждение, где подлежащее – понятие-символ, а сказуемое – глагол: ибо миф есть динамический вид (*modus*) символа, – символ, созерцаемый как движение и двигатель, как действие и действенная сила» («Заветы символизма») [Иванов, т. 2, с. 594–595]. «Миф посредством языка событизирует свой референт», – пишет исследователь [Гоготишвили, 2006, с. 59], изолированный символ не может означивать высшую реальность – он способен на это лишь в составе некоей символической фигуры, совместно с предикатами, поэтому можно говорить о предикативности символа, даже о его самопредикации, благодаря которой символ разворачивается в действие и движение. Представляется, что это найденное исследователем свойство ивановского символа позволяет определить и понять многое в теории символизма и

является его действительным «зерном», исходной клеточкой, проходящей через все уровни.

Важным словом в статусе понятия в модели Гогтишвили оказывается «скрепление» или «касание», ибо в символе, раскрывающемся через миф, происходит нерасчленимое «трансцендентно-имманентное касание» [там же, с. 93]. Касание чего? того пласта реальности, который принципиально не объективируем в языке, но которого тем не менее человек способен коснуться через особого рода переживания или состояния сознания, о которых сигнализирует, которые ознаменовывает через предикаты символ. Здесь, согласно мысли Гогтишвили, и пролегает принципиальное различие имяславия и ивановского символизма: в имяславии «первотолчок» языка относился к трансцендентной области, у Иванова восприятие человеком действия трансцендентных сил происходит *до* языка, в дионисийском экстазе, сам же язык появляется в аполлоническом нисхождении. Поэтому и говорить о сферах «реальнейшего мира» можно только косвенно, символически.

О каких особых состояниях сознания упоминает здесь Гогтишвили, что именно оказывается референцируемым посредством мифа, предиктирующего символ? Укажем некоторые точки преемственности Гогтишвили по отношению к традиции мировой и отечественной философии.

Как было сказано выше, постулирование «предикативности символического модуса смысла» позволило ввести ивановский символизм в прагматическую парадигму лингвистических теорий и направлений, создаваемых на протяжении XX в. Взгляд Гогтишвили, а в ее модели – Вяч. Иванова – коррелирует с концепцией языка, идущей не только от Б. Рассела (как утверждает, вслед за Степановым, в примечании самой исследовательницы), но и от Л. Витгенштейна, который еще более заострил положения своих предшественников, так называемых логических позитивистов: «1. Мир – это все, чему случается быть. <...> 1.1. Мир – совокупность Фактов, но не Вещей» [Витгенштейн, 2005, с. 19, 20]; его философия стала толчком к «языковой революции» XX в. Гогтишвили разводит и истолковывает далее ивановские «что» и «как», справедливо полагая, что «как» относится у Иванова не к объекту, поскольку сам объект не референцируется, а к способу видения, и находит общее между ивановским «как» и гуссерлевским

или витгенштейновским принципом «видеть как», а также – понятием «состояние сознания» у М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского. Мифологическое высказывание, а с ним и символ, отсылает именно к состоянию сознания, которое и становится предметом символической референции. Апелляция к философско-символической концепции Мамардашвили и Пятигорского представляется нам чрезвычайно важной, она помогает Гоготишвили закрыть «лакуну», образующуюся между трансцендентным (область «реальнейшего») и имманентным (язык и человек).

Напомним, что состояние сознания в книге Мамардашвили и Пятигорского «Символ и сознание» означает «принципиальную приуроченность к субъекту» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 59]. Можно пояснить это таким образом, что состояние сознания означает нахождение человека в сознании, присутствие в сознании, независимо от того, с каким содержанием оно связано. По логике Гоготишвили, опирающейся в этих моментах своих рассуждений на книгу Мамардашвили и Пятигорского, следует сказать о связи символа и мифа с *обрядом*: миф – «языковая проекция обряда», он вербально закрепляет архетипическое состояние сознания, постоянно возобновляемое и фиксируемое в обряде. (Здесь к ивановской модели естественным образом подсоединяется теория О.М. Фрейденаберг, согласно которой миф «моложе» референцируемого представления и состояния сознания, т.е. моложе обряда.) Следовательно, символ, как и миф, обозначивает определенные состояния сознания, за которыми стоит трансцендентное, данное в имманентном. «Нерасчленяемые трансцендентно-имманентные касания», в терминологии Гоготишвили, как раз и стоят за архетипическими состояниями сознания, референцируемыми символом и мифом. Символическим выражением неких «потусторонних событий» (встреч с трансцендентным), след которых закрепляется в человеческой памяти, являются, в концепции Мамардашвили и Пятигорского, «мировые события», существующие вне времени; в мифе они выступают как «мифемы». По-видимому, «мировые события» можно соотнести со структурами сознания у тех же Мамардашвили и Пятигорского, они ознаменовывают те «места», те «топосы», где побывало сознание и куда оно еще может вернуться. «Состояние сознания, – говорит Гоготишвили, – это и есть условный, секуляризованный и частичный, синоним экстаза» [Гоготишвили, 2006, с. 87],

отсюда путь Иванова пролегает «не от имени (или символа) к состоянию, но от состояния – к символу и вообще к языковому выражению. А это значит, что именно состояние сознания есть, по Иванову, референт мифа» [Гогтишвили, 2006, с. 87].

«Символы наши – не имена, они – наше молчание» [Иванов, т. 2, с. 88]. Тезис Иванова диктовал необходимость поиска «неименных способов символической референции», и в этом качестве в его поэзии предстают антиномические синтаксические конструкции (назовем отдельную работу Гогтишвили «Антиномический принцип в поэзии Иванова», 2004). Причем Гогтишвили рассматривает антиномизм не только как конструктивный принцип творчества Иванова, но и как неотъемлемое свойство самого языка. По мысли С.В. Федотовой, в «антиномичных ивановских конструкциях, подчиняющихся “запрету” на объективацию референта (его именование)», Гогтишвили увидела «радикальную языковую новацию, инициированную именно Ивановым» [Федотова, 2019, с. 266]: экспериментирование Иванова с традиционным поэтическим языком, расшатывание его привычных конструкций и образов, тем самым поэт пролагал дорогу многим поэтам-современникам.

В других работах Гогтишвили распространяет принципы лингвофилософии символизма, найденные ею у Иванова, на русский символизм и даже на имяславие в целом. Символизм естественным образом объединяется ею с апофатизмом и энергетизмом, а также с феноменологией. Символ получает своего рода «расширение» в мифологическом синтетическом суждении, оно знаменует событие встречи с «мировым событием» и призвано настроить слушателей на соответствующую волну восприятия. Отсюда русский символизм по Гогтишвили не может быть адекватно понят только лишь в рамках предикативной (синтаксической) парадигмы языка – его следует рассматривать в русле прагматической составляющей языка, сориентированной на эгологию и коммуникацию «я» с другими. Об этом говорит, например, важность принципа *Ты еси* в философии Иванова, несмотря на то, что Иванов не ввел этот принцип в язык. «Символизм вообще есть концепция диалога человека с Богом, а отсюда – и диалога вообще» [Гогтишвили, 2004, с. 167].

Гоготишвили, Лосев и Бахтин

Из обозначенных положений пролегалась связь концепции символизма Гоготишвили с ее истолкованием философии других мыслителей, в частности, А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина. В статье 2004 г. она пишет об этом сама: «Там, где у Иванова предикативно скрещивались в рамках символического синтаксического целого антонимы, у Бахтина предикативно скрещиваются два голоса» [Гоготишвили, 2004, с. 172]. Образуется системная сеть понятий и положений аналитической интерпретации Гоготишвили названных философов. Двуголосое слово Бахтина вызывает аналогию с предикативным актом, а в конечном счете – с категорией диалога. Два голоса в пределах одной синтаксической конструкции – это, по существу, субъект и предикат в символическом высказывании, символической фигуре или синтетическом суждении-мифе у Иванова. При этом «чужая речь» (т.е. речь героя или рассказчика) проецируется на роль субъекта, авторская речь – на роль (функцию) предиката. Референты этих голосов разноприродны, поэтому они не могут нейтрализоваться, слиться, а это и есть обязательное условие предикативного акта, также как и синтетического суждения – и бахтинской полифонии. Причем само двуголосие у Бахтина понимается как монологизм, полифония же – это нечто вроде трехголосия, хотя «чистая» полифония (устранение авторского доминирующего голоса) возможна лишь в теории, на практике Гоготишвили ее не прослеживает (так называемый полифонический роман Достоевского – это двуголосие).

Антиномический принцип определяет нравственную философию Бахтина – его «участное мышление», основанное на «абсолютном-себя-исключении»: такова нудительная жертвенность Я «при “абсолютной милости” для другого» [Гоготишвили, 2021, с. 83, 90]. То есть проблему бахтинского «участного мышления», решающую феноменологическую проблему «Я и другой», Гоготишвили рассматривает феноменологически же: она пишет о невозможности объективировать («наблюдать извне») «акт соприкосновения миров» – Я и другого, также как невозможна объективируемость и самого Я, осуществляющего этот акт сопряжения только изнутри. Как видим, ареной «касания» своего рода имманентного и трансцендентного (как при толковании символа) становятся здесь разные сознания, разные персоны.

Наконец, следует сказать еще об одной пересекающейся сфере – эйдетической философии Лосева, в которой символ получает толкование, близкое к тому, что было у Вяч. Иванова. Особость имяславия Лосева, по Гогтишвили, состоит в том, что «имя» истолковывается в нем «как “символ”, который, с одной стороны, свидетельствует о возможности знаменовать априорное, а с другой – о невозможности его прямого именованья» [Гогтишвили, 2021, с. 44]. Это почти ивановское определение развивается далее, и в русле энергетизма символ толкуется как энергия самой «вещи», по сути, как «символ-предикат», что позволяет напомнить определение символа у Мамардашвили и Пятигорского: символ – «такая странная Вещь, которая одним своим концом “выступает” в мире вещей, а другим – “утопает” в действительности сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 26]. Лосев в трактовке Гогтишвили исходит из гуссерлианской посылки: сознание оперирует только смыслами, с самими вещами оно встретиться не может, вещь понимается Лосевым «не как смысл, а как *говорящая (порождающая смыслы) инстанция*» [Гогтишвили, 2021, с. 53], или как «точка говорения». Точек же говорения в любом высказывании как минимум две (предмета речи и говорящего субъекта).

Зафиксируем здесь связку с двуголосым словом Бахтина, а также ряд примыкающих бинарных пар в мысли Гогтишвили: две точки говорения Лосева, двуголосое слово Бахтина, двуслойность эйдоса Лосева, антиномизм Иванова (см. также: [Гравин, 2021 а]), все это коррелирует с понятиями ноззис и нозма Гуссерля, а также с более привычными для нас означаемым и означающим, хотя абсолютного тождества между парами понятий нет, можно говорить лишь об аналогии. Наконец, чрезвычайно важным представляется выделение Гогтишвили двух трактовок символа не только в лосевской философии, но в мировой традиции как таковой: двоичный символ (платоновско-шеллингианская трактовка) – обозначает сам себя; троичный символ (кантовское толкование) – указывает на нечто вне себя, он вторичен, но он и более закрепился в культуре нового времени. Именно троичный символ соотносится с двуголосым словом Бахтина и с понятием имени у Лосева (три слоя в имени: сущность, энергия сущности и языковое выражение, хотя само имя знаменует не сущность, а энергию сущности, заменяемую в более «светских» случаях состоянием сознания).

Итак, очевиден сквозной, лейтмотивный характер символа в лингвофилософии Людмилы Гоготишвили – по крайней мере, в той ее версии, где речь идет об интерпретации и понимании Вяч. Иванова, Лосева, Бахтина. Она открывает перспективу рассмотрения и развития идей русского символизма, которые оказываются сосредоточены не только в трудах имяславцев, от которых она отталкивалась, но и проходят через постсимволизм первой половины XX в., а также обнаруживают свои «следы» в философии и семиотике всего последнего столетия. Однако Гоготишвили исходит из культурного сознания конца XX в., и для нее многие идеи начала или первых десятилетий XX столетия видятся в «снятом» виде, т.е. органически усвоенном последующим развитием культуры. Это коммуникативно-прагматический аспект анализа языка, смысла, символа, вообще аспект языковой явления смысла (соотношение естественного и эйдетического языков у Лосева); внимание к дискурсной природе художественной речи – рассмотрение символа в составе высказывания, в окружении контекстов и контактов, где он только и становится полноценным символом; феноменологический подход и метод анализа, перекликающийся с философией сознания: любой предмет действительности, любая вещь не поступает к нам прямо и непосредственно, но всегда опосредуется взглядом, сознанием, некоей «точкой» (глаза или говорения), предстает в ореоле смыслов. Поэтому и эйдос у Лосева – не *res*, а смысл и «точка говорения». Отсюда важность опосредующей, медиаторской функции, выполняемой как «точкой говорения», так и символом, который опосредует и знаменует событие встречи воспринимающего лица с референтом, не называя, не объективируя его. Благодаря своим философским собеседникам Гоготишвили выходит на чрезвычайно важную проблему XX в., основательная разработка которой была начата именно в русском символизме, – соотношения и связи трансцендентного и имманентного начал, их «касания» и пересечения в нашем бытии и сознании, их возможной медиации и способах выражения. В движении мысли Гоготишвили образуется своего рода система зеркал, высвечивающих друг друга – *Speculum Speculorum*, по Вяч. Иванову.

Подход Гогтишвили и поэзия Вяч. Иванова

Подход Гогтишвили к толкованию символа Вяч. Иванова, как представляется, позволяет по-новому посмотреть на его поэзию и философию в целом и дает возможность разгадывать его символические «ребусы». Иванова, как известно, часто упрекали в зашифрованности языка, в умозрительной абстрактности и пр. В этой связи приведем высказывание Гогтишвили: «...она (поэзия Иванова. – Е. С.)... чаще всего воспринимается как поэзия, лишенная реального ситуативного контекста и опоры на реальное событие. Так и должно быть, когда поэзия не направлена на осуществление референциальной “отсылки” к возможному реальному событию, но лишь сама “событизируется” языком, лишь “разыгрывается” как событие в совершенно инородных самой событийности целях» [Гогтишвили, 2006, с. 81]. Поэзия – *разыгрывается!* Здесь поневоле припоминается, во-первых, тяготение Иванова к драматическому роду, во-вторых, его приводимое выше определение мифа как «динамическ<ого> вид<a> (modus'a)символ<a>, – символ<a>, созерцаем<ого> как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 595].

Попробуем обратиться к самой поэзии Иванова, не рискуя объять необъятное, но лишь касаясь некоторых аспектов, или символов, его стихов.

Символический референт у Иванова несубстанционален, поэтому «символический стих», как пишет Гогтишвили, «должен отказаться от акта именованья» как опредмечивающего референт. Сошлемся прежде всего на нашу статью в соавторстве с Л.В. Маштаковой о символической теофании в стихах Иванова, где прослеживается движение поэтической воплощенности образа Богоявленности в первых двух сборниках Иванова: «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904). В статье показано, как на протяжении первой книги Иванова мы наблюдаем движение Красоты, образа Вечноженственного начала к ее постепенному «развеществлению», т.е. к утрате антропоморфности и зримой предметности, все большему ее растворению в преображенном мире, открывающемся герою [Маштакова, Созина, 2022]. Это движение, или процесс, усиливается во второй книге лирики Иванова «Прозрачность», в само название которой вынесено определение одной из эманаций Красоты; на нем мы, главным образом, и остановимся.

«Прозрачность» Вяч. Иванова

Концепт «прозрачность» не раз подвергался анализу в самых разных работах иванововедов (см., напр.: [Тюрина, 1997; Ханзен-Лёве, 2003, с. 413–424; Кузнецова, 2003; Кузнецова, 2011; Титаренко, 2012, с. 287–305]). Еще раз обратимся к его толкованию в свете подхода Гоготишвили. Прозрачность, занимающая центральное место в поэтическом мире второй книги Иванова, может быть понята как особое состояние мира, воспринимаемое поэтом и его лирическим «я», которому трудно, даже невозможно найти тематический или предметный коррелят. Прозрачность описывается в стихотворениях в основном через глаголы, передающие ее действия, причем действия «по состоянию», как поистине предикаты. Вот ряд примеров из программного стихотворения Иванова под названием «Прозрачность», второго по счету в составе сборника: «твердь улегчила», «скользнула», «пленила», «колдуешь», «лелея», «колыша», «простор раздражая», «спишь», «дыша», «прильнула», «веешь», «таешь», «порхаешь», «реешь». Поэт передает событие встречи с ней, драматизируя ее явление, подчас ведет с ней диалог (используются глагольные формы 2-го лица), а в финале обращается с просьбой-волением: «Прозрачность! улыбчивой сказкой / Соделай видения жизни, / Сквозным – покрывало Майи! / Яви нам бледные раи / За листвою куц осенних; / За радугой легкой – обеты; / Вечерние скорбные светы / За цветом садов весенних! / Прозрачность! божественной маской / Утишь изволения жизни» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 738]. Здесь въяве представлена антиномичность языка Иванова: «за листвою куц осенних» – «за цветом садов весенних», а ранее – «и вечностью веешь случайной» (в стихотворных цитатах курсив наш. – Е. С.)). В символично-предикативном синтаксисе стихотворения Прозрачность и есть то самое «имманентно-трансцендентное касание», о котором писала Гоготишвили, это непередаваемое состояние миробытия, в котором совмещаются субъект и объект, которое возможно только в истонченном, чрезвычайно внимательном и прихотливом восприятии субъекта. В диалоге с Прозрачностью лирический герой поэта выступает в качестве своеобразного «обсерватора», «наблюдателя» этого дящегося, нераздельного и неслиянного состояния своего существа и существа мира – их феноменологического единства. О.А. Кузнецова схожим образом коммен-

тировала центральный концепт Иванова: «“магический кристалл”, сквозь который смотрит на мир лирический герой сборника и который одновременно являет собой образ мироздания» [Кузнецова, 2003, с. 280]¹.

Символ у Иванова «поли-нумерологичен» и многозначен, поэтому все стихотворения сборника Иванова можно рассматривать как своеобразные предикаты (попытки определения) прозрачности.

Прозрачность – это особая среда, в которой возможно богоявление. Ольга Дешарт, комментируя название сборника Иванова, писала о прозрачности как «духовной среде», «в которой происходят воплощения мистической реальности (Res). Природа эта антиномична: среда должна быть прозрачной, чтобы не препятствовать прохождению солнечного луча, который ею, непрозрачной, будет задержан, либо затемнен и невидим; но она не должна быть абсолютно прозрачной, должна преломлять луч – иначе Res не будет видна, ибо невидима она сама по себе» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 63]². Прозрачность можно назвать и эпифанией, явлением божественной красоты; Н.Л. Быстров показал, что это проявленность Софии в мире³, хотя вряд ли возможно однозначное толкование этого концептуального символа поэта.

Неоднократно отмечалось, что путь лирического героя Иванова в данной книге – это движение к себе, познание себя и, соответственно, «получение визионерского опыта, опыта ясновидения», открывающее «*зрение-прозрение* высших реальностей» [Титаренко, 2012, с. 289]. На

¹ См. также: [Ханзен-Лёве, 2003, с. 413–420; Бёрд, 2022, с. 12–24, 34–44 и др.]

² Исходя из этого понимания ивановского образа-концепта, связь физического облика, в котором выступает «прозрачность» Иванова и который как бы обуславливает, поддерживает ее сверхфизическое, мистическое понимание, с учением о свете Гёте, с представлениями Леонардо да Винчи, с философией платонизма отмечали О.А. Кузнецова и С.Д. Титаренко [Кузнецова, 2003; Кузнецова, 2011; Титаренко, 2012, с. 293–298].

³ Трактую образ Прозрачности через Вечноженственные образы Иванова, Н.Л. Быстров пишет: «“Прозрачность” – символический атрибут “незримой жены” (очевидно, Софии или Мировой Души), но если вспомнить о том, что всякий символ есть, в определенной мере, и само символизируемое, то, значит, “Прозрачность” и “незримая жена” – одно» [Быстров, 2016, с. 77]. Добавим, исходя из логики Иванова в толковании Гогтишвили, что символ и символизируемое – «одно» не по сущности, а по энергии, поэтому Прозрачность не опредмечивает референт, поэтому она столь легка, столь «необъектна»; но согласимся с Н.Л. Быстрым в том, что она дана скорее как «присутствие», развивающее конкретику образа.

пути лирического героя к себе возникают ряды двойников, препятствий, ложных ликов или личин-масок, постоянными мотивами стихотворений становятся образы воды, колодезя (колодца), темноты, лунного света, бездны, зеркала. Они антиномически сочетаются с противоположными образными смыслами, как, скажем, в стихотворении «Темница»: «Мне два колодезя – два взора – / Тьму таят и солнце дней. / К ним тянусь я из дозора / Мертвой светлости моей» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 806]. Отсюда антиномической парой «Темнице» может служить стихотворение «Воззревшие», где поется дифирамбический гимн зрению, способности видения, самой визуальности, причем обретение истинного зрения-видения, т.е. прозрение, возможно лишь через его преобразование огнем Красоты: «От персти взятым бреньем / Сгорела слепота; / На долнее прозреньем / Врачует Красота» [там же, с. 748]. В первой строке, как показал Р.Е. Помирчий, содержится реминисценция эпизода из Евангелия от Иоанна: исцеление слепого Христом, который «помазал брением (землей со слюной) глаза слепому» [Помирчий, 1995, с. 286]. Строка «Сгорела слепота», по закону антиномий, открытому Гоготишвили, означает в символическом языке Иванова – «Огонь озрячивает», т.е. одаривает истинным зрением [см. Гоготишвили, 2006, с. 75–76]. Ср.: «Когда, сердца пронзив, Прозрачность / Исполнит солнцем темных нас, / Мы возблестим, как угля мрачность, / Преображенная в алмаз» (цикл «Царство прозрачности») [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 754]¹. Благодаря этому происходит «опрозрачивание» души, вместо теней являются лица («Яви теням – их лица»), сама душа наполняется состоянием божественного экстаза, разделенности его с Божеством, которому нет имени: «О вы, чьим медом диким / Душа упоена, / Единым и Вселиким – / Без имени – полна!» [там же, с. 749].

Отражения, отзвуки, отзывы, маски

Сеть отражений и зеркал, проходящих через весь сборник «Прозрачность» (см. об этом: [Минц, Обатнин, 1988]), начинает формироваться уже в первой книге Иванова «Кормчие звезды». В связи с этим

¹ О кристаллах и драгоценных камнях в мире Иванова см.: [Ханзен-Лёве, 2003, с. 416–418; Павлова, Каяниди, 2017].

остановимся лишь на стихотворении «Альпийский рог» из этой книги, в котором создается система множественных отсылок, отражений-отзвуков. Исходной является ситуация пастуха, трубившего в свой рог и тем пробуждавшего в горах «пленительное эхо», которое, как «мнится» лирическому «я», производит «незримый духов хор» самой природы (сродни эоловой арфе романтиков) – происходит своего рода дальнейший перевод звуков альпийского рога пастуха («Что мнилось: незримый духов хор, / На неземных орудьях, переводит / Наречием небес язык земли»). Следующее отражение-отсылка – поэтическая рефлексия лирического «я», его обращение к некоему «гению, который также «должен... в сердцах / Будить иную песнь» (авторрефлексия поэта-автора). Итоговым отражением становится «отзывный глас», звучащий «из-за гор» (важна звуковая переключка: гор – рог): «Природа – символ, как сей рог. Она / Звучит для отзвука; и отзвук – Бог. / Блажен, кто слышит песнь, и слышит отзвук» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 606]. Сам Бог здесь – всего лишь «отзвук», но этот «отзвук» и наиболее важен, все песни и звуки – для него. По словам Б. Аверина, «Эхо, отзвук – не следствие звука, они – его целевая причина» [Аверин, 2016, с. 343]. Ивановское стихотворение разворачивается как многоступенчатый коммуникативный акт, цепь предикаций, центральной фигурой которого оказывается тот, кто производит звуки (пастух, «незримый духов хор» как переводчик, наконец, некий «гений»), по сути же, это поэт, он помещается между двух сфер (в стихотворении «Художник и поэт» в книге «Прозрачность» Иванов пишет: «Грустно-блажен художник-поэт! Он – небо и воды: / Ловит, влюбленный, свой лик, видит / прозрачность и – мир» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 775]), но за ним присутствует и тот, кто в здешнем мире воспринимается как «отзвук». Назначение поэта-символиста – вызывать эхо¹, ибо прикоснуться к трансцендентному можно лишь косвенно, через отраженные в себе, в своей психической сфере состояния и ощущения, аналогом же этого процесса творческой (авто)коммуникации является контакт поэта с теми, кто становится вос-

¹ См. в связи с этим небольшую заметку Иванова «Эхо. Из письма к Карлу Муту» (1939), где речь идет о словах, воспринятых поэтом как «душевное эхо» и «как заново приобретенное реальное познание»: «Чего нет, то должно быть; и то, что есть, должно становиться; и становящееся будет» [Иванов, 1971–1987, т. 3, с. 647].

приемниками его творений, и в этом качестве может выступить сама природа как воспринимающая и преломляющая среда: она откликается на звук рога и создает ему своеобразный резонанс. Еще одним, дополнительным отражением-отзвуком цепочки тех, что прослеживаются в стихотворении «Альпийский рог», становится отсылка Иванова в более поздней статье «Мысли о символизме» (1912): в качестве эпиграфа он приводит весь текст данного стихотворения, а далее дает программные положения искусства символизма: «Ибо символизм – не творческое действие только, но и творческое взаимодействие...», «Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное: ему важна не сила звука, а мощь отзвука. *A realibus ad realiora*» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 610, 611].

Не менее значима тема отклика (эха) в стихотворении «Отзывы» (из сборника «Прозрачность»). Оно построено как вопрошание, обращенное одновременно и к самому себе, и к трансцендентному началу: «“Тайный!” – звала моя сила: “Откликнись, если ты сущий!” / Некто: “Откликнись, коль ты – сущий!” – отвечивал мне» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 742]. В ответ звучит зеркальное эхо, каждый раз повторяющее вопрос или восклицание лирического героя. Обращение к Богу – Сущий – становится в отзыве именем человека, и поиск Бога оборачивается поиском себя: «И, безнадежный, сказал кто-то: “Я кличу себя!..”».

Обилие отражений и отзвуков рождает проблему поиска тождества с собой и определения истинной эпифании Бога в мире, что и будет «опрозрачиванием» себя и мира, требующим особой остроты взгляда и всей сферы чувств. Настоящий поэт-символист, по Иванову, есть тот, кто «утончит слух» и «изошприт зрение», дабы «понимать смысл форм и видеть разум явлений» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 539]. Эта утонченная чувствительность поэта раскрывается в первом сонете триптиха «Кто?»: «Кто видит непрозябший сев, и злачность / Степей сухих, и за личиной – лик, / И в камне – ключ?» и одаривает способностью «Изобличить явления многозначность» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 784]. Из состава сонета, раскрывающего визионерские дары того, «кто», выделяется вторая строфа, в ней множественность отражений преобразуется в одно («В ста откликах рассветный множит клик») и обнажается смысл происходящих метаморфоз: «Глядитя Бог в свой мир, и мир – прозрачность». Но Бог здесь сродни античному

миру-природе, он все и везде. Второй сонет последовательно представляет образ иного – иудеохристианского Бога, означивая его библейской лексикой («Кто выйдет в мир, как царь, освобожденный / Из вражеских шатров, где был он – кедр»); характерной приметой неназванного Бога – Христа – становится формула «людей ловец», а также строка «Кто в день седьмой послышит зов “Умри”?» [Иванов, 1971–1987, т. 1, с. 784]. Третий сонет раскрывает образ ученика и последователя учения Христа, по всей видимости, Франциска Ассизского, на это указывают такие детали, выступающие в функции предикатов символа, как детскость предполагаемого героя («Кто выйдет в мир, как тихое дитя / Играть с детьми идет по придорожью?»), любовь к цветам и бродяжничество («Кто любит так рубины, как цветы? <...> Кто по свету блуждает как дитя, / Цветы собирая и венки плетя?») – напомним об известном сочинении «Цветочки Франциска Ассизского». Строки «Чей внемлет дух, далече улетя, / Стоустому, беспечный, многобожью?» [там же, с. 785] соотносятся еще с одним сочинением святого – «Песнь о Солнце» (в жанре лауды). Солнечность поэзии Иванова – факт общепризнанный, и так же, как Франциска Ассизского, его не раз «подозревали» в пантеизме. Святой этот был чрезвычайно популярен в России начала XX в. и позже, его сочинения переводили многие (см.: [Августин (Никитин), 2016]). Стоит также упомянуть о том, что Франциск Ассизский был родом из Умбрии – любимого края Италии для Вяч. Иванова (в Ассизи он побывал еще в 1897 г. с Л.Д. Зиновьевой-Аннибал), а цикл стихов поэта *Rosarium*, вошедший в книгу *CorArdens*, открывался стихотворением *Ad Rosam*, где в первой строке назывался Франциск, упоминается этот святой и в других сочинениях поэта.

По Вяч. Иванову, пишет А.Б. Шишкин, «Лицо Бога – загадка и тайна, Он открывается в разных Лицах. <...> ...маска призвана не скрывать тождество того, кто скрыт под ней, но указывает на различные воплощения, через которые трансцендентное может быть явленным в мир» [Шишкин, 2018, с. 133]. Тема маски, синонимичной в слове «Прозрачности» отражению, отзвуку, отзыву, личине и пр., связывалась Ивановым с дионисийским культом и подробно освещалась в его работе «Эллинская религия страдающего бога» (1904). Она вызвала критический отклик Д. Мережковского («Маска нужна тому, кому еще не открылось Лицо. Но к чему маски, когда уже есть Ли-

цо?»; цит. по: [Шишкин, 2018, с. 133]). Иванов ответил ему стихотворением «Лицо или маска» (1904), позднее под названием «Лицо» вошедшим в книгу *Сог Ardens* в цикл с говорящим названием «Солнце Эммауса». Контекст этого стихотворения и в целом масочной темы в России 1900-х годов подробно восстановил А.Б. Шишкин, мы лишь коротко скажем о нем в свете наших рассуждений.

Тема стихотворения, по мнению А. Дудека, – «трудность распознавания Христа в его эпифаниях после Воскресения» [Дудек, 2010, с. 61]. Сюжет же являет серию разгадываний Лица Бога через деяния, ознаменовывающие Его явление в мир, но, несмотря на кажущуюся очевидность бытия Бога, о которой свидетельствует сердце («Нам сердце лгать не может»), разгадывание длится и захватывает сознание лирического «я» (а за ним прозрачен автор) восторгом все нового и нового узнавания, ибо Бог предстает в разнообразных ликах-масках, в разных актах длящейся великой мистерии: «Дай сердцу разгадать Твой Лик в Твоей Личине, / И Именем Твоим – устам Тебя наречь, / О Ты, садовником представший Магдалине, / Ты, обещавший радость встреч» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 265]. Все стихотворение предстает как целостный миф о поиске и обретении Бога¹, Лицо которого теряется во множестве личин и ликов, все же имена Его – с логико-лингвистической точки зрения – выступают лишь аспектами, модусами, событизирующими явление Бога. Христос, угадываемый в первых строфах, сменяется именами-ликами других богов и Бога в последней строфе: «Ты, Суций, – не всегда ль и, Тайный, – не везде ли, – / И в гроздьях жертвенных, и в белом сне лилей? / Ты – глас улыбчивый младенческой свирели; / Ты – скалы движущий Орфей». Орфей и Дионис (с последним сплетается тема жертвенной, обрядовой и погребальной маски), согласно воззрениям Иванова рубежа веков, – предвестья и предчувствия Христа, они ознаменовывают Его приход как вечное событие.

В статье «Новые маски», написанной вскоре, ставится проблема нового искусства, новой драмы, и тема маски начинает звучать и в контексте трагического преображения, и в связи с важной для сборни-

¹ Начало этому мифу было положено еще в ранней поэзии Иванова, таково, напр., стихотворение «Неведомому богу» в сборнике «Жормчие звезды» (см. о нем: [Федотова, 2012, с. 218–220]).

ка «Прозрачность» темой двойничества и определения истинного «я»: «Мы хотим проникнуть за маску и за действие, в умопостигаемый характер лица, и прозреть его внутреннюю маску; но это уже личина Вечности, – не наш ли собственный внутренний двойник эта духовная, безликая личина?» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 78]. Современная драма (дионисийская по своим корням и основам), пишет Иванов далее, «раскрывая свое дифирамбическое как... упраздняет всякое что». Согласно объяснению Гогтишвили, с ивановским «как» коррелируют предикаты, через которые осуществляется референция, «что» же становится при этом *способом* референции. И то и другое относятся у Иванова не к «объекту», а к «способу видения», или к «состоянию сознания» [см.: Гогтишвили, 2006, с. 86–89]. Поэтому все маски и личины в стихах Иванова – это тоже «как», и, подобно всякому «как», они ознаменовывают приближение к Res, не объективируя (не именую) его. В текстах Иванова создается и разрешается своего рода антиномическое тождество маски / личины и Лика / Лица. Маска «опрзрачничивается»: «из-за прозрачного видения зорче глядит в нас, отражая нас в своем темном зеркале, мировая Тайна» [Иванов, 1971–1987, т. 2, с. 78]. Маски, отзвуки, отражения, отзывы представляют своеобразные шаги и действия на пути постижения Сущего, они же акты великой мистерии, они же лики внутреннего и, вместе, «всечеловеческого Я» [там же, с. 76], они выражают некие состояния сознания, ознаменовывающие возможность «касания» трансцендентного, а на уровне языка они предидируют символическое обозначение истинного и не называемого Имени или Лица. «И вспыхнет сокровенное далеке / На лицах отсветом Единого Лица» [там же, с. 265], – читаем мы в стихотворении «Пасхальные свечи», следующем в цикле за тем текстом, что получило название «Лицо».

Заключение

Не экстаз является олицетворением Бога, а Бог становится «олицетворением экстаза», писала Гогтишвили о символическом (лингвофилософском) постижении Тайны в творчестве Вяч. Иванова. Имя Бога становится ознаменованием определенного состояния сознания, имеющего давние архетипические корни, когда-то закрепленного в обряде, потом в мифе. В согласии с мифотворческими стратегиями

символизма начала века Иванов дерзает стать сотворцом древних мифов, их своего рода *переписчиком* – он творит свой собственный нарративный мифологический синтаксис, подбирает множество именных обозначений тем вечным событиям и состояниям, которые закрепляются, а подчас и вызываются его стихом. Эти имена-предикаты выполняют роль масок на лице, пока не открытом, да и не могущем быть открытым, древнем и вечно новым. Своеобразным продолжением темы Вяч. Иванова, аллюзией на его стихи может служить стихотворение современного поэта Леонида Аронзона: «Всё – Лицо: / лицо – Лицо, / Пыль – Лицо, / слова – Лицо, / Всё – Лицо. / Его. Творца. / Только Сам Он без Лица».

Думается, подход Л.А. Гогтишвили, примененный нами к поэзии Вяч. Иванова, способен многое открыть не только в поэзии русского символизма, но и в последующем постсимволистском состоянии отечественной словесности.

Список литературы

Источники

Гогтишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. – Москва : Языки славянских культур : Прогресс-традиция, 2004. – С. 148–175.

Гогтишвили Л.А. Непрямое говорение. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – 720 с.

Гогтишвили Л.А. Лестница Иакова : архитектоника лингвофилософского пространства. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021. – 616 с.

Иванов Вяч. И. Собр. соч. : в 4 т. – Брюссель : Foyer Oriental Chretien, 1971–1987. – Т. 1. – 871 с. ; Т. 2. – 851 с. ; Т. 3. – 896 с. ; Т. 4. – 800 с.

Исследования

Августин (Никитин), архимандрит. Францисканские мотивы в русской поэзии. «Гимн солнцу» // Нева. – 2016. – № 1. – С. 242–254.

Аверин Б. Палимпсест воспоминаний («Младенчество» Вяч. Иванова) // Вяч. Иванов : pro et contra, антология. – Санкт-Петербург : ЦСО, 2016. – Т. 2 / сост. К.Г. Исупова, А.Б. Шишкина ; коммент. коллектива авторов. – С. 322–344.

Бёрд Р. Символизм после символизма. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 320 с.

Быстров Н.Л. К вопросу о религиозно-философском контексте софиологической символики в поэзии Вяч. Иванова : иудаистические параллели // Вестник Гуманитарного университета. – 2016. – № 3(14). – С. 64–81.

Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. – Москва : ИД «Территория будущего», 2005. – 440 с.

Гравин А.А. Энергичность в постсимволизме Алексея Лосева и Михаила Бахтина в интерпретации Людмилы Гоготишвили // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций : материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2021 а. – Вып. 1. – С. 183–188.

Гравин А.А. Классификация русского символизма в ранних работах Людмилы Гоготишвили // Византия, Европа, Россия : социальные практики и взаимосвязь духовных традиций : материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О.Н. Ноговицин. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2021 б. – Вып. 1. – С. 208–211.

Гравин А.А. Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготишвили // Соловьёвские исследования. – 2022. – Вып. 4(76). – С. 133–147.

Дудек А. На пути к «внутреннему человеку». Концепция самопознания в творчестве Вячеслава Иванова // Вяч. Иванов. Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. – Санкт-Петербург : изд-во Пушкинского Дома, 2010. – Вып. 1. – С. 53–64.

Кузнецова О.А. Концепт «Прозрачность» у Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура : мат-лы междунар. науч. конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск. – Москва : Водолей Publishers, 2003. – С. 280–285.

Кузнецова О.А. Изображение «видимого» и «невидимого» у символистов («Прозрачность» Вяч. Иванова и «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока) // Александр Блок. Исследования и материалы / отв. ред. Н.Ю. Грякалова. – Санкт-Петербург : изд-во Пушкинский Дом, 2011. – С. 60–83.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.

Маштакова Л.В., Созина Е.К. Поэтика теофании в книгах Вяч. Иванова «Кормчие звезды» (1902–1903) и «Прозрачность» (1904): трансформации вечноженственных образов // Имагология и компаративистика. – 2022. – № 18. – С. 94–117. – DOI: 10.17223/24099554/18/5

Миңз З.Г., Обатнин Г.В. Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова (сборники «Кормчие звезды» и «Прозрачность») // Труды по знаковым системам. XII : Зеркало. Семиотика зеркальности. – Тарту : Тартуский ун-т, 1988. – С. 59–65.

Павлова Л.В., Каяниди Л.Г. Ярким камнем богаты : мир самоцветов в поэзии Вячеслава Иванова. – Смоленск : Свиток, 2017. – 288 с.

Помирчий Р.Е. Примечания // Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия : в 2 кн. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1995. – Кн. 2. – С. 261–363.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Москва : Наука, 1985. – 335 с.

Титаренко С.Д. «Фауст нашего века» : мифопоэтика Вяч. Иванова. – Санкт-Петербург : ИД Петрополис, 2012. – 654 с.

Тюрина И.И. Тема поэта и поэзии в сборнике Вяч. Иванова «Прозрачность». Мифопоэтический аспект // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – Томск, 1997. – Вып. 1. – С. 64–69.

Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова. – Тамбов : ТОГОАУ ДПО «ИПКРО», 2012. – 293 с.

Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготшвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 252–273. – DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273

Федотова С.В. Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гоготшвили с Ю. Степановым // *Euro Orientalis*. – 2022. – № 41. – в печати.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов : Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 816 с.

Шишкин А.Б. 'Лицо' – 'маска' в культуре Серебряного века. Вяч. Иванов, К. Сомов, Н. Ульянов и другие // *Studi Slavistici*. – 2018. – № 15(1), – 131–151. – URL: https://doi.org/10.13128/Studi_Slavis-22673

References

Averin, B. Palimpsest vospominanij («Mladenchestvo» Vyach. Ivanova) [Palimpsest of memories ("Infancy" by Vyach. Ivanov)]. In G. Isupov, A.B. Shishkin (Ed.), *Vyach. Ivanov: Pro et contra, antologiya*. [Vyach. Ivanov: pro et contra, anthology], vol. 2, Saint Petersburg, CSO, 2016, pp. 322–344. (In Russ.)

Avgustin (Nikitin), arhimandrit. Franciskanske motivy v russoj poezii. «Gimn solncu» [Franciscan motifs in Russian poetry. "Hymn to the Sun"]. In *Neva*, no 1, 2016, pp. 242–254. (In Russ.)

Byord R. *Simvolizm posle simvolizma* [Symbolism after symbolism]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 320 p. (In Russ.)

Bystrov, N.L. K voprosu o religiozno-filosofskom kontekste softologicheskoi simvoliki v poezii Vyach. Ivanova: iudaisticheskie paralleli [To the Question of the Religious and Philosophical Context of Sophiological Symbolism in Poetry Vyach. Ivanov: Jewish Parallels]. In *Vestnik Gumanitarnogo Universiteta*, no. 3 (14), 2016, pp. 64–81. (In Russ.)

Dudek, A. Na puti k «vnutrennemu cheloveku». Konceptiya samopoznaniya v tvorchestve Vyacheslava Ivanova [On the Way to the "Inner Man". The Concept of Self-knowledge in the Work of Vyacheslav Ivanov]. In K. Yu. Lappo-Danilevskij, A.B. Shishkin (Ed.) *Vyach. Ivanov. Issledovaniya i materialy* [Vyach. Ivanov. Research and Materials]. Saint Petersburg, Publishing House Pushkinskij Dom, vol. 1, 2010, pp. 53–64. (In Russ.)

Fedotova, S.V. *Poetologiya Vyacheslava Ivanova* [Poetology of Vyacheslav Ivanov]. Тамбов, ТОГОАУ ДПО «ИПКРО» Publ., 2012. 293 p. (In Russ.)

Fedotova, S.V. Lingvofilosofskie novicii russkogo simvolizma v interpretacii L.A. Gogotshvili (Vyach. Ivanov i A.F. Losev) [Linguo-philosophical Innovations of Russian Symbolism in the Interpretation of L.A. Gogotshvili (Vyach. Ivanov and A.F. Losev)]. In *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 2, 2019, pp. 252–273. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-2-252-273 (In Russ.)

Fedotova, S.V. Simvolizm Vyacheslava Ivanova v kontekste polemiki L. Gogotishvili s Yu. Stepanovym [Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the context of L. Gogotishvili's controversy with Y. Stepanov]. In *Europa Orientalis*, no. 41, 2022, (v pechati). (In Russ.)

Gravin, A.A. Energijnost' v postsimvolizme Alekseya Loseva i Mihaila Bahtina v interpretaciji Lyudmily Gogotishvili [Energy in the Postsymbolism of Alexei Losev and Mikhail Bakhtin in the interpretation of Lyudmila Gogotishvili]. In *Vizantiya, Evropa, Rossiya: social'nye praktiki i vzaimosvyaz' duhovnyh tradicij* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Relationship of Spiritual Traditions]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGA Publ., no 1, 2021 a, pp. 183–188. (In Russ.)

Gravin, A.A. Klassifikaciya russkogo simvolizma v rannih rabotah Lyudmily Gogotishvili [Classification of Russian symbolism in the early works of Lyudmila Gogotishvili]. In *Vizantiya, Evropa, Rossiya: social'nye praktiki i vzaimosvyaz' duhovnyh tradicij* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Relationship of Spiritual Traditions]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGA Publ., no 1, 2021 b, pp. 208–211. (In Russ.)

Gravin, A.A. Simvolizm Vyacheslava Ivanova i Andrey Belogo v svete predikativnoj koncepcii Lyudmily Gogotishvili [Symbolism of Vyacheslav Ivanov and Andrei Bely in the light of the predicative concept of Lyudmila Gogotishvili]. In *Solov'ovskie issledovaniya, 2022* [Soloviev Research], vol. 4(76), 2022, pp. 133–147. (In Russ.)

Hanzen-Lyove, A. *Russkij simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskij simvolizm nachala veka. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. System of Poetic Motives: Mythopoetic Symbolism of the Beginning of the Century. Space Symbolism]. Saint Petersburg, Academic Project Publ., 2003. 816 p. (In Russ.)

Kuznecova, O.A. Koncept «Prozrachnost'» u Vyach. Ivanova [The Concept of “Transparency” by Vyach. Ivanov]. In *Vyacheslav Ivanov – Peterburg – mirovaya kul'tura: mat-ly mezhdunar. nauch. konferencii 9–11 sent. 2002 g.* [Vyacheslav Ivanov – Petersburg – World Culture: Materials of the International Scientific Conference 9–11 Sept. 2002]. Tomsk Moscow, Vodolej Publishers, 2003, pp. 280–285. (In Russ.)

Kuznecova, O.A. Izobrazhenie «vidimogo» i «nevidimogo» u simvolistov («Prozrachnost'» Vyach. Ivanova i «Stihi o Prekrasnoj Dame» A. Bloka) [The Image of the “Visible” and “Invisible” among the Symbolists (“Transparency” by Vyach. Ivanov and “Poems about the Beautiful Lady” by A. Blok) In N. Yu. Gryakalova (ed.), *Alexander Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and Materials]. Saint Petersburg, Publishing House Pushkinskij Dom, 2011, pp. 60–83. (In Russ.)

Mamardashvili, M.K., Pyatigorskij, A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, School “Languages of Russian Culture” Publ., 1997. 224 p. (In Russ.)

Mashtakova, L.V., Sozina, E.K. Poetika teofanii v knigah Vyach. Ivanova «Kormchie zvezdy» (1902–1903) i «Prozrachnost'» (1904): transformacii vechnozhenstvennyh obrazov [Poetics of theophany in the books of Vyach. Ivanov Pilot Stars (1902–1903) and Transparency (1904): Transformations of Eternally Feminine Images]. In *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], no. 18, 2022, pp. 94–117. DOI: 10.17223/24099554/18/5 (In Russ.)

Minc, Z.G., Obatnin, G.V. Simvolika zerkala v rannej poezii Vyach. Ivanova (sborniki «Kormchie zvezdy» i «Prozrachnost'») [The Symbolism of the Mirror in the Early Poetry of

Vyach. Ivanova (collections “Pilot Stars” and “Transparency”). In *Trudy po znakovym sistemam. XII: Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti* [Proceedings on sign systems. XII: Mirror. Semiotics of mirroring]. Tartu, Tartu University Press Publ., 1988, pp. 59–65. (In Russ.)

Pavlova, L.V., Kayanidi, L.G. *Yarkim kamen'em bogaty: mir samocvetov v poezii Vyacheslava Ivanova* [Rich in Bright Stone: the World of Gems in the Poetry of Vyacheslav Ivanov]. Smolensk, Svitok Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)

Pomirchij, R.E. Primechaniya [Notes]. In Ivanov Vyach. *Stihotvoreniya. Poemy. Tragediya: v 2 kn.* [Poems. Tragedy, in 2 books]. Saint Petersburg, Academic Project Publ., book 2, 1995, pp. 261–363. (In Russ.)

Stepanov, Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the Three-dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, Art]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 335 p. (In Russ.)

Titarenko, S.D. «Faust nashego veka»: mifopoetika Vyach. Ivanova [–Faust of our Century”: Mythopoetics of Vyach. Ivanova]. Saint Petersburg, Publishing House Petropolis, 2012. 654 p. (In Russ.)

Tyurina, I.I. Tema poeta i poezii v sbornike Vyach. Ivanova «Prozrachnost'». Mifopieticheskij aspekt [The theme of the Poet and Poetry in the Collection Vyach. Ivanov “Transparency”. Mythopoetic Aspect]. In *Vestnik Tomskogo gos. pedagogicheskogo universitetata*. [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. Issue 1, Tomsk, 1997, pp. 64–69. (In Russ.)

Shishkin, A.B. ‘Lico’ – ‘maska’ v kul'ture Serebryanogo veka. Vyach. Ivanov, K. Somov, N. Ul'yanov i drugie [‘Face’ – ‘Mask’ in the Culture of the Silver Age. Vyach. Ivanov, K. Somov, N. Ulyanov and others]. In *Studi Slavistici*, no. 15(1), 2018, pp. 131–151. URL: https://doi.org/10.13128/Studi_Slavis-22673 (In Russ.)

Vitgenshtejn, L. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, ID «Territoriya budushchego» Publ., 2005. 440 p. (In Russ.)